

ДИПЛОМАТИКА КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

С. М. Каптанов

В определении предмета и задач дипломатики в литературе до сих пор наблюдается большой разноречивостью. Во-первых, происходит смешение задач дипломатики и палеографии¹; во-вторых, функции дипломатики сводятся лишь к установлению подлинности документов²; в-третьих, имеется стремление распространить методы дипломатики на все документы вообще и нежелание выделять из общей массы документальных материалов акты как предмет дипломатики; в-четвертых, сохраняется привычка понимать под «актами» все источники делового или официального (иногда «нормативного») характера, отличающиеся от повествовательных памятников³.

Нам представляется правильным рассматривать дипломатику как часть источниковедения, изучающую акты, под которыми мы подразумеваем документы только договорного содержания (частные сделки, государственные договоры и т. п.) и исключая разного рода «делопроизводительную переписку», то есть документы распорядительного или производственного характера. При этом дипломатику надо считать наукой не о внешней (палеографической) форме актов⁴, а об их внутренней форме (формуляр или построение текста акта) и через нее — социальном и политическом содержании актовых материалов.

Ограничение предмета дипломатики актами в строгом смысле слова придает этой науке определенный социологический смысл и четкий метод. В противном случае в ее поле зрения оказывается лишь рассмотрение «технических» сторон делопроизводства, а непосредственно исторической науке представляется (без помощи дипломатики как специальной исторической дисциплины) исследовать и оценивать содержание документов. От такого подхода проигрывает и история и дипломатика. Последняя приобретает сугубо формальный характер, история же, зани-

¹ См. Н. П. Лихачев. Дипломатика. СПб. 1901, стр. 9—11. Авторы статьи «Палеография» в БСЭ (2-е изд.) видят разницу между палеографией и дипломатикой не в их функциях, а только в сферах применения: к палеографии прибегают тогда, когда речь идет о рукописных книгах, а дипломатика изучает отдельные грамоты (БСЭ, 2-е изд. Т. 31, стр. 583).

² Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 83; А. А. Введенский. Зарождение и развитие национальной русской дипломатики в XV — начале XVIII в. «VIII Научова сесія [Киевского университета]. Тези доповідей. Секція історії». Київ. 1951.

³ А. Giry. Manuel de diplomatique. Paris. 1894, p. 4; Н. П. Лихачев. Указ. соч., стр. 7—9; В. И. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев. 1961, стр. 45; G. Tessier. Diplomatique «L'Histoire et ses méthodes». [Paris. 1961], p. 633; А. А. Введенский. Лекции по документальному источниковедению истории СССР (дипломатика). Киев. 1963, стр. 3 и сл.; его же. Дипломатика. В кн.: А. Введенский, В. Дядиченко, В. Стрельский. Допоміжні історичні дисципліни. Київ. 1963, стр. 104; А. И. Гукковский. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины. «Вопросы истории», 1964, № 2, стр. 53.

⁴ В. И. Стрельский. Указ. соч., стр. 35.

маясь непосредственно содержанием актов, не в состоянии правильно оценить их достоверность, ибо в ее задачу не входит исследование изменений формуляра каждой разновидности актов.

В чем же социологический смысл отделения «актов» от «неактов»? Оно позволяет глубже изучить процессы социально-экономического и политического развития. Определение того или иного удельного веса документов договорного содержания в общей массе документации дает возможность увидеть специфические черты общественного устройства в различные исторические периоды. Так, господство актов в России XII—XV вв. является типичным признаком раздробленности политической власти, нарастание же с XVI в. делопроизводственной переписки и ее количественное преобладание над актами в XVII в. отражают процесс развития крепостного права, установления самодержавной власти.

С методологической точки зрения выделение актов является также насущной необходимостью. Принятое в буржуазной дипломатике деление документа на «протокол», «текст» и «эсхатокол»⁵ применимо не только к актам, но и к ряду категорий документов недоговорного характера. «Протокол», свидетельствующий о том, от кого и кому посылается документ⁶, и «эсхатокол», сообщающий о месте и времени выдачи документа, являются наиболее формальными частями документа. Если видеть главную задачу дипломатии в изучении именно этих разделов источника, то ее в самом деле придется считать наукой о документах вообще, а не об актах в частности. Но если подходить с таких позиций, то тогда дипломатика будет тождественна документоведению⁷ — дисциплине, изучающей постановку делопроизводства и порядок составления документов в учреждениях. Однако следует сказать, что цель дипломатии заключается прежде всего в исследовании основного содержания акта («текста»), поэтому смешение актов с документами, откладываемыми в процессе «делопроизводственной переписки», должно казаться недопустимым.

Описательные разделы «текста» — преамбула (*arenga*) и изложение обстоятельств дела (*narratio* — буквально «рассказ») — тоже не составляют специфической особенности актов как договорных документов. *Narratio* не обязательная черта акта. Его наличие является, вероятно, следствием использования при создании акта предшествовавших просительных документов (челобитных и т. п.). Отличительный признак акта *dispositio* (буквально «распоряжение») свидетельствует о достигнутом в результате определенного компромисса сторон правовом соглашении, оформленном в виде ряда юридических статей или клаузул, причем эти статьи в разных комбинациях повторяются из акта в акт и в своей совокупности приближаются к некоторому воображаемому «типичному формуляру» актов известной разновидности. Статьи актового *dispositio* носят обычно характер устойчивых формул. Так, освобождение от торговых пошлин в различных жалованных грамотах, как правило, обозначается одними и теми же привычными формулами «ни мыт, ни тамга...». Поэтому изучение содержания акта — это прежде всего анализ комбинаций формул актового *dispositio* в их развитии, то есть с учетом хронологии и топологии (территории, к которой относится документ) каждого акта.

⁵ Эсхатоколом в античности назывался последний лист свитка папируса; «эсхатокол» дословно означает «склеенный последним».

⁶ По общепринятой схеме в «протокол» входят *invocatio* (религиозное посвящение — «Во имя Троицы» и т. п.), *intitulatio* (имя и титул лица, от которого исходит документ), *inscriptio* (определение лиц, которым адресуется документ), *salutatio* (приветствие).

⁷ Н. О. Meisner. *Aktenkunde*. Berlin. 1935, S. 62—81; *ejus d. Urkunden und Aktenlehre der Neuzeit*. Leipzig. 1952.

При изучении этого процесса необходимым приемом является составление «графически-статистических таблиц» (по выражению А. С. Лаппо-Данилевского).

Возьмем для примера отдельные типичные статьи тарханских грамот и покажем, как они использовались в некоторых конкретных грамотах (цифрой обозначается порядковый номер статьи в *dispositio* грамоты).

Год	Уезд	«ни дань»	«ни ям»	«ни ямские дельцы»	«ни по-сошная служба»	«ни городовое дело»	Место хранения
1547	Дмитровский . . .	+(1)		+(2)	+(3)	+(4)	ЦГАДА, ГКЭ, № 3780
1548	Балахнинский . . .	+(1)	+(2)				ЛОИИ, Головин, № 63
1549	Звенигородский . . .	+(1)		+(2)	+(3)	-(4) ⁸	ЦГАДА, ГКЭ, № 7615

Обработка таким образом большого количества конкретных актов дает возможность получить многочисленные ряды формул, анализ которых позволяет сделать определенные выводы текстологического и исторического характера.

В неактовых документах мы не находим такого рода формулярных *dispositiones*. Основной смысл просительных документов (челобитий, жалоб, прошений и др.), административно-распорядительных материалов (указов, памятей, циркуляров и т. п.) и даже законов выражен не в «устойчивой историко-правовой форме», являющейся, по определению А. А. Зимина, важным признаком «акта». Всякое челобитие или указ построены по одному шаблону, но вместе с тем их содержание изложено по-разному применительно к каждому конкретному случаю; невозможно и бесполезно укладывать текст таких документов в прокрустово ложе каких-либо таблиц. Эти таблицы будут состоять из искусственно подобранных тематических рубрик, а не из готовых формул актового *dispositio*. То же самое можно сказать и о законах. Хотя при их составлении и используется предыдущее законодательство и часто подтверждаются старые нормы права, однако в законах нельзя найти вариации на тему одного и того же формуляра, как это бывает с актами одной разновидности. Новый закон — это не комбинация готовых формул, применяемых на старой основе к данному случаю и к данной местности, а новая юридическая платформа более общего назначения. Широкая сфера применения и многотемность таких законов, как судебники, конституции, кодексы, делают их необходимым элементом разъяснительные фразы, индивидуальные для каждого закона и не укладывающиеся в рамки каких-либо формулярных выражений. Конечно, в *dispositio* актов тоже имеются отступления от принятых формул, но они не меняют общей стереотипности актового формуляра. Законы же по своей сути нестереотипны.

Следовательно, применение к неактовым источникам собственно «дипломатических» приемов анализа не дает положительных результатов⁹. Методика изучения делопроизводственных, законодательных, цифровых (статистических) материалов должна существенно отличаться от рассмотрения актовых источников. Пути исследования таких источников,

⁸ Знак «минус» означает, что вместо освобождения от городского дела грамота предписывает его исполнение с помощью противоположной формулы — «опричь городского дела».

⁹ Так, искусственной и бесплодной оказалась попытка буржуазного ученого Д. М. Мейчика применить к указным грамотам (документам распорядительного, неактового характера) приемы формулярного анализа, необходимого при изучении жалованных грамот — актовых источников (см. Д. М. Мейчик к. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива министерства юстиции. М. 1883, стр. 20).

как делопроизводственные документы, сейчас гораздо менее ясны и разработаны, чем дипломатика актов. Очевидно, метод текстологии литературных памятников в соединении с отдельными приемами изучения законов и лишь некоторыми моментами дипломатического формулярного анализа помогут решению этой труднейшей задачи источниковедческой критики документов нового и новейшего времени.

Проиллюстрируем на примерах важность «дипломатических» способов анализа актовых источников. Как известно, главная сложность изучения актов — документов с шаблонным формуляром — состоит в решении вопроса о том, насколько застывшие формулы отстали от живой действительности. Возможным путем преодоления этой трудности является сравнение так называемых «соотносительных актов», то есть актов различной разновидности, относящихся к одной и той же конкретной сделке. Так, интересно сопоставление духовных и данных грамот на один и тот же объект. Духовная Ивана III, сохранившийся (в копии) вариант которой датируется в литературе апрелем 1504 г.¹⁰, содержит статью о пожаловании младшим сыновьям великого князя (Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею) дворов в Москве у церкви Рождества Христова (в пределах Кремля)¹¹. Примерно к этому же времени относится данная грамота Ивана III Юрию с братьями на дворы «внутри города на Москве» у церкви Рождества, «что им писал в своей духовной грамоте»¹² (то есть на те же объекты). В основном перечень дворов в данной грамоте совпадает с перечнем их в духовной, однако имеются весьма существенные различия между этими перечнями. Во-первых, в данной грамоте упомянуто на два двора больше, чем в духовной. Во-вторых, в данной грамоте отдельные дворы характеризуются иначе, чем в духовной. В духовной употребляется термин «двор», а в данной — «останок места». В-третьих, в данной содержится отсутствующий в духовной грамоте подробный перечень дворов, смежных с теми, которые передавались младшим сыновьям великого князя.

Внимательно прослеживая эти различия, можно сказать, что данная грамота гораздо ближе к действительности, чем духовная. Некоторые дворы, упомянутые в духовной как существующие, в данной характеризуются как прекратившие существование в качестве дворов («останки мест»). Отсюда следует заключить, что духовная грамота в части, касающейся этих дворов, восходит к какому-то более раннему тексту, не переработанному в 1504 г. в соответствии с новой обстановкой.

Дворы, упомянутые в духовной, были завещаны Василием Темным его жене, великой княгине Марии Ярославне. В приписной грамоте к духовной Василия Темного говорится: «А что дворы оу святого Рождества, Петров, и Иванов, и Микитин Костянтиновичих, ...и в тех дворах волна моя княгини: которым моим детем которое даст, ино то тому и есть»¹³. Известий о том, что великая княгиня отдала эти дворы кому-нибудь из своих сыновей, видимо, не сохранилось. Вероятно, Иван III мог распоряжаться указанными дворами уже после смерти Марии Ярославны (после 4 июля 1485 г.¹⁴) или, во всяком случае, не раньше ее пострижения 2 февраля 1478 года¹⁵. В данной грамоте 1504 г. содержится ценная справка о судьбе дворов Петра, Ивана и Никиты Константиновичей: «Что есми им писал в своей духовной грамоте дворы внутри города на Москве... Петровской, да Ивановской, да Микитинской Костян-

¹⁰ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. 1. М.-Л. 1948, стр. 221.

¹¹ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.-Л. 1950 (далее ДДГ), стр. 358.

¹² Там же, стр. 370.

¹³ Там же, стр. 199.

¹⁴ ПСРЛ. Т. VI. СПб. 1853, стр. 36; т. 27. М. 1962, стр. 287.

¹⁵ ПСРЛ. Т. VI, стр. 33, 220; т. 27, стр. 281.

тиновичев, и ныне по тем местом оучинена оулица от площади к Николским воротом...»¹⁶. Безусловно, тут имеется в виду перестройка кремлевских улиц, произведенная в 1500—1501 гг., когда от соборной площади были проложены большие улицы к воротам Троицким (Троицкая), Никольским (Никольская), Фроловским и Тайницким¹⁷. Значит, дворы существовали до 1500—1501 гг., но так как Иван III мог ими распоряжаться по крайней мере с июля 1485 г., мы пришли к выводу, что уже между 1485 и 1501 гг. был составлен текст (или несколько текстов) духовной великого князя Ивана III.

«Дипломатический» анализ позволяет в данном случае выдвинуть гипотезу о существовании духовной Ивана III между 1485—1501 гг., вернее, о нескольких вариантах духовной, появившихся, вероятно, в связи с наиболее важными перипетиями политической и династической борьбы конца XV в. (смерть старшего сына Ивана III — великого князя Ивана Ивановича, коронация Дмитрия — внука, его опала).

В русской литературе не было опытов систематического анализа и таких формальных частей акта, как *invocatio*, *intitulatio*, *sanctio* и др. Вместе с тем даже отдельные примеры свидетельствуют о важности их изучения. Большой интерес представляет *intitulatio* в двух жалованных грамотах 1538 г. юхотского служебного князя Ф. М. Мстиславского на земли в волости Юхти Ярославского уезда: 1) от 31 мая — помещику Ивану Гаврилову сыну Толочанова¹⁸; 2) от 11 июня — церкви Леонтия-чудотворца¹⁹. В грамотах сказано: «Жалованьем государя великого князя Василия Ивановича всеа Русии се аз князь Федор Михайлович Мстиславский...» Князь Мстиславский ссылался на «жалованье» Василия III, умершего в декабре 1533 г., и игнорировал имя семилетнего великого князя Ивана IV Васильевича, уже около пяти лет являвшегося официальным главой Русского государства. Случайно ли такое несоблюдение этикета? Если учесть, что грамоты были выданы через полтора-два месяца после смерти (в апреле 1538 г.) матери великого князя, княгини-регентши Елены Глинской, эта «странность» в *intitulatio* грамот покажется объяснимой. В период регентства Елены князь Ф. М. Мстиславский не выдал ни одной жалованной грамоты, его политическая активность была скована страхом возможной опалы. Смерть регентши немедленно вызвала активизацию князя. Игнорирование имени Ивана IV в *intitulatio* говорит, на наш взгляд, о попытке Ф. М. Мстиславского добиться независимости от центрального правительства, превратиться из служебного князя в полноправного удельного. Это подтверждается анализом *dispositiones* грамот 1538 года. В обеих грамотах Ф. М. Мстиславский распоряжается «сотной данью». Отсюда ясно, что служебный князь присвоил себе великокняжескую прерогативу — распоряжение данью. В грамоте от 22 июня 1533 г., выданной Ф. М. Мстиславским еще при жизни Василия III церкви Фрола и Лавра, никаких упоминаний о дани нет²⁰. Очевидно, Ф. М. Мстиславский был пожалован Василием III без права сбора дани (она и названа в одной из грамот 1538 г. «государя великого князя» данью).

Приведем другой пример. В сборнике жалованных грамот Троице-Сергиеву монастырю есть такая особенность, которая нуждается еще в проверке по более широкому кругу источников: все грамоты царя Федора Ивановича до второй половины 1591 г. имеют обычное *intitulatio* царских грамот: «Се яз, царь и великий князь Федор Иванович всеа

¹⁶ ДДГ, стр. 370.

¹⁷ П. В. Сытин. История планировки и застройки Москвы. [Т. 1]. М. 1950, стр. 43—44.

¹⁸ Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в библиотеках и архивах. СПб. 1895, стр. 206.

¹⁹ Сборник Муханова (изд. 2-е). СПб. 1866, № 280.

²⁰ ЦГАДА, ГКЭ, по Ярославлю, № 8/14756.

Русии», — но уже в грамоте от 18 ноября 1591 г. находим иную, необычную формулировку: «Се яз, царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии, с своею царицею и великою княгинею Ириною»²¹. Эта же формулировка встречается в грамоте от 21 января 1592 г.²² и в грамотах 1596—1597 годов²³. Поражает следующее совпадение: в мае 1591 г. погиб царевич Дмитрий, единственный законный наследник династии Рюриковичей, и с осени 1591 г. в *intitulatio* жалованных грамот рядом с именем царя Федора Ивановича появляется имя царицы Ирины, сестры Бориса Годунова. Не было ли это заблаговременным заявлением претензий новой династии? Не подтверждает ли этот факт причастность Годунова к гибели царевича? Упоминание царицы в *intitulatio* жалованных грамот — явное изобретение Годунова. После своего избрания на царство Борис на первых порах придерживался этой традиции. В Троицкой грамоте от 18 октября 1598 г. содержится довольно пространное *intitulatio*: «Се яз, царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии, с своею царицею и великою княгинею Марьею, и с своим сыном царевичем Федором Борисовичем всеа Русии»²⁴. В грамоте от 26 ноября 1598 г. наряду с перечисленными лицами упоминается и царская дочь Аксинья²⁵. Но уже в декабре 1598 г. Годунов отказывается от этого варианта *intitulatio* и переходит к ставшему впоследствии обычным для его грамот бинарному *intitulatio* (царь и царевич)²⁶, которое должно было укрепить царевича Федора в правах престолонаследия.

В западной дипломатике распространен метод изолированного изучения отдельных элементов актового формуляра как самостоятельных единиц. Более целесообразным, однако, представляется исследование всех частей формуляра актов определенной разновидности в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Желательно также параллельное изучение движения формуляров актов смежных разновидностей.

Перед советскими историками стоит еще не решенная даже на начальной стадии работы с актами XIX—XX вв. задача их отбора, классификации, дипломатического анализа, синтеза и уяснения социологического смысла. Необходимо усовершенствовать и дипломатику актов более раннего времени, хотя здесь немало сделано в области изучения их содержания с позиций «общей истории» и «общего источниковедения».

Дипломатика может и должна обогатить и углубить наши представления о закономерностях социально-экономического и политического развития.

²¹ ГБЛ, ОР, Тр. кн. 527, № 386.

²² Там же, № 385.

²³ Там же, №№ 382—384.

²⁴ Там же, № 393.

²⁵ Там же, № 394.

²⁶ Там же, №№ 395—400.